IV.

Насильственное разрушеніе стараго порядка совершилось во Франціи съ неимовѣрною быстротою. Ни одно изъ европейскихъ государствъ не испытывало до тѣхъ поръ такого крутаго безпощаднаго переворота. Гражданскія бури, которыя достались на долю Голландіи при основаніи республики, Англіи въ эпоху столкновенія съ Стюартами, Сѣверо-Американскимъ Штатамъ во время войны за независимость, кажутся легкими кризисами сравнительно съ «великою революціею», происшедшею въ концѣ XVIII столѣтія. При всѣхъ этихъ буряхъ народы удерживали подъ собою историческую почву, не теряли сознанія и, переживъ потрясеніе, возвращались на прежнюю дорогу, или по крайней мѣрѣ выносили нетронутыми извѣстныя учрежденія. Напротивъ Французы истребили все, что напоминало имъ прошедшее, не оставили ни одного преданія, завѣщаннаго исторіею, и, чтобы достигнуть любимаго идеала, срыли до основанія политическое зданіе, построенное вѣками. Не удивительно, что пылкая, неопытная и неприготовленная къ самодѣятельности нація обманулась въ надеждахъ, потеряла терпѣніе и скоро изнемогла отъ лихорадочнаго

жара и неестественнаго напряженія. Напрасно думала она избѣжать общаго закона жизни и осуществить разомъ то, что̀ достается людямъ и поколѣніямъ путемъ мирнаго прогресса, долгимъ и труднымъ. Феодальныя учрежденія потонули въ гражданской крови, но тѣмъ съ бо́льшимъ трудомъ, тѣмъ медленнѣе вырабатывались новыя. Государственный организмъ былъ глубоко потрясенъ тѣми отчаянными средствами, которыя къ нему прилагались; политическій духъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса и потерялъ творческую силу; преступленія и насилія оставили за собою горькіе слѣды повсемѣстныхъ страданій и вызвали сильную реакцію. Англійское устройство оказалось неприложимымъ въ странѣ, въ которой монархическія начала ослабѣли, и аристократія потеряла значеніе; американская форма также не могла быть привита къ пестрому, разрозненному, воспитанному въ устарѣлыхъ обычаяхъ и предразсудкахъ, чуждому простыхъ демократическихъ нравовъ, обществу. Къ тому же, въ самомъ характерѣ движенія не было твердости, опредѣленности и постоянства; народъ колебался, шелъ очертя голову, и не высказалъ рѣшительной привязанности къ извѣстнымъ учрежденіямъ. Такъ въ конституціи 1791 года были искажены основныя черты смѣшанной монархіи, и всѣ политическія права предоставлены среднему сословію (bourgeoisie), въ ущербъ королю, дворянству и духовенству; въ 1793 году, подъ именемъ республики, явилась охлократія, построенная на началахъ централизаціи и со всѣми аттрибутами абсолютизма; затѣмъ директорія или, лучше сказать, олигархія. Послѣ всѣхъ этихъ крайностей, которыя объясняются отчасти характеромъ французской націи, а еще болѣе внѣшними событіями, Наполеону легко было упрочить власть съ помощію арміи: ему слѣдовало только захватить столицу, чтобъ имѣть на своей сторонѣ провинціи, лишенныя всякой политической самостоятельности. Такъ и случилось. Первый консулъ воспользовался слабостію и разстройствомъ директоріяльнаго правительства, принялъ на себя начатое конвентомъ дѣло государственной организаціи и выполнилъ его съ успѣхомъ. Главная задача новаго диктатора состояла въ томъ, чтобы поддержать политическое единство, которое было необходимо для внутренняго спокойствія и для борьбы противъ грозныхъ непріятелей. Эта руководящая идея легла въ основаніе администраціи и законодательства Наполеона. Но какъ сынъ револю-

ціи, онъ остался вѣренъ ея демократическому духу и принялъ гражданское равенство за неизмѣнное начало при всѣхъ своихъ реформахъ. Что̀ касается до политической свободы, она, разумѣется, была постепенно отнята у народа, который впрочемъ мало чувствовалъ потерю и довольствовался пріобрѣтеніемъ славы и могущества. Притомъ же новый порядокъ имѣлъ неоспоримо благодѣтельное вліяніе на Францію; внѣшній видъ общества измѣнился къ лучшему: толпы праздныхъ людей, жившихъ на счетъ народа, исчезли; созданное Наполеономъ дворянство не имѣло характера касты, но было сословіемъ, открытымъ для заслуги; оковы земледѣльческой зависимости разбились; цехи и корпораціи уничтожились; стѣснительныя подати были отмѣнены, войско устроено, управленіе упрощено.

Повелѣвая Франціею безотвѣтственно, Наполеонъ былъ въ то же время самымъ опаснымъ революціонеромъ для другихъ государствъ. Вездѣ его завоеванія сопровождались политическими нововведеніями, которыя были тѣмъ рѣшительнѣе, что отвѣчали требованіямъ и нуждамъ вѣка. Сильная рука императора ускорила реформы, которыя, при обыкновенномъ теченіи событій, затянулись бы надолго и конечно встрѣтили бы безчисленныя препятствія. Въ этомъ отношеніи многіе народы обязаны ему улучшеніемъ своей судьбы. Онъ указалъ Испаніи дорогу къ возрожденію и къ преобразованію стараго порядка, прервалъ летаргическій сонъ и потрясъ религіозные предразсудки Италіи, разбилъ почти однимъ ударомъ сотни мелкихъ нѣмецкихъ государтвъ. Вообще французское владычество повлекло за собою уничтоженіе феодальныхъ привилегій, и особенно тамъ, гдѣ онѣ были тягостнѣе, напримѣръ въ Германіи, въ которой сохранились средневѣковые иммунитеты имперскаго дворянства и нѣмецкій орденъ. Іерархическимъ злоупотребленіямъ католицизма также нанесенъ былъ ударъ отнятіемъ въ казну церковныхъ имуществъ, уменьшеніемъ монастырей и секуляризаціею духовныхъ владѣній, обнимавшихъ въ одной Германіи 2000 кв. миль и три милліона жителей. Въ управленіи созданныхъ Наполеономъ королевствъ замѣтно было больше стройности, связи и простоты, господствовало открытое судопроизводство, признавалось равенство предъ закономъ. Нѣкоторымъ изъ подчиненныхъ странъ, напримѣръ Италіи, Неаполю, Вестфаліи, Испаніи, онъ далъ конституціи,

правда, больше для вида, но онѣ не остались безъ значенія, пріучили общество къ парламентскимъ формамъ, къ публичному обсужденію вопросовъ и сдѣлались школою государственныхъ людей. Подъ вліяніемъ этихъ преобразованій, обдуманныхъ и выполненныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ, въ націяхъ пробудилось политическое сознаніе, и исторія послѣдующаго времени приняла новое направленіе. Еще сильнѣе было отрицательное вліяніе Наполеона на Европу. Кажется, ему предназначено было дѣйствовать на духъ народовъ не столько реформами, сколько посредствомъ угнетенія. Онъ пытался основать всемірную монархію въ такое время, когда она была наименѣе возможна, и на каждомъ шагу оскорблялъ чувство политической независимости. Ни одинъ завоеватель новаго времени не заходилъ такъ далеко въ предначертаніяхъ, ни одинъ не поступалъ такъ смѣло и насильственно, какъ императоръ Французовъ. Ободренный слѣпою преданностью храбраго народа, видя жалкое положеніе континентальной Европы, онъ отважился на самыя рѣзкія, крайнія мѣры, и не хотѣлъ положить никакихъ границъ своему деспотизму. Льстецы говорили ему, что Франція — солнце, около котораго, какъ планеты, должны вращаться, по извѣстнымъ орбитамъ, другія государства. Одни Англичане мѣшали «примѣненію системы политическаго тяготѣнія, совершенно согласной съ устройствомъ вселенной», и чтобы уничтожить ихъ, чтобъ основать «этотъ естественный порядокъ», Наполеонъ былъ готовъ на все. Ему хотѣлось, во что бы то ни стало, отрѣзать врага отъ сношеній съ цѣлымъ міромъ, и, когда прямыя средства оказались недостаточными, пошелъ къ своей цѣли косвенною, опасною дорогою, наперекоръ законамъ исторіи и требованіямъ цивилизаціи. Не только были разрушены династическія начала, — рука завоевателя коснулась національностей, оторвала ихъ отъ прошедшаго, раздробила въ искусственныхъ сочетаніяхъ; даже матеріяльные интересы обществъ были принесены въ жертву чудовищной континентальной системѣ. Не проходило мѣсяца безъ какихъ-нибудь возмутительныхъ нарушеній права; геніяльный императоръ увлекся самовластіемъ и обнаруживалъ полное презрѣніе къ человѣчеству; война сдѣлалась нормальнымъ, безвыходнымъ состояніемъ образованнаго міра; конскрипціи и рекрутскіе наборы истощили населеніе вездѣ; сама Франція устала отъ славы. Напрасно думалъ Наполеонъ обратить

всѣ силы народовъ на Англію; вышло наоборотъ: Англія воспользовалась его высокомѣріемъ и стала во главѣ европейской оппозиціи. Испанское національное движеніе показало, какими средствами можно было удержать французскія арміи; неудачный походъ на Россію еще болѣе ослабилъ вѣру въ ихъ непобѣдимость. Наконецъ, въ 1813 году, предпринята была соединенными правительствами борьба во имя свободы народовъ не противъ Франціи, даже не противъ революціи, но противъ одного человѣка, въ которомъ воплотились всѣмъ враждебныя идеи,—и въ два года увѣнчалась успѣхомъ. Она была необходима, чтобы привести натянутыя отношенія цѣлой части свѣта въ гармонію и порядокъ.

Предшествующія событія указывали, какими мѣрами можно было обезпечить общее спокойствіе: извнѣ слѣдовало возсоздать на началахъ независимости политическую систему, разрушенную революціею; внутри — устроить государства согласно требованіямъ эпохи. Обѣ эти задачи, повидимому, были сознаны и даже высказаны на вѣнскомъ конгрессѣ, но къ несчастію выполнить ихъ на практикѣ было трудно. Территоріи были розданы членамъ коалиціи, смотря по заслугамъ, оказаннымъ ими въ войнѣ противъ Наполеона; при внутренней организаціи также обнаружился во многихъ странахъ реакціонный духъ. Нѣкоторыя правительства упорно не соглашались на перемѣны и хотѣли возстановить въ цѣлости прежній порядокъ (ancien régime). Отсюда произошли важныя послѣдствія; на нихъ намъ нужно обратить вниманіе; иначе исторія политическихъ наукъ съ 1815 года будетъ казаться непонятною.

До французской революціи конституціонная форма правленія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова была почти неизвѣстна на материкѣ Европы. Кромѣ Священной Римской имперіи, Голландіи и Швейцаріи, только въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ собирались земскіе чины (Landstände) для законодательныхъ совѣщаній, но имѣли собственно феодальный характеръ (1). Напротивъ съ паденіемъ Наполеона, обстоятельства

---

(1) Это устройство (landständische Regierung), строго говоря, не можетъ быть названо представительнымъ; земскіе чины считаются органами не націи, а *извѣстнаго сословія*.

измѣнились. Франція, Соединенные Нидерланды, Норвегія и юго-западныя нѣмецкія земли получили политическое устройство совершенно въ новомъ духѣ: теорія раздробленія верховной власти была отвергнута; верховныя права всецѣло усвоены государямъ; дѣятельность палатъ ограничена опредѣленными въ основномъ законѣ случаями и обращена преимущественно на защиту личной свободы, общественныхъ и гражданскихъ интересовъ. Короче сказать, правительству даны были всѣ нужныя средства къ достиженію цѣли государства; подданнымъ гарантированы извѣстныя привилегіи, и открыта возможность жалобы противъ злоупотребленій. Представительное собраніе при этомъ должно было служить естественнымъ органомъ націи: на немъ лежала въ послѣдней инстанціи обязанность иска, преслѣдованія и защиты; оно могло дѣйствовать путемъ законной оппозиціи и требовать нужныхъ исправленій или перемѣнъ, получило иниціативу или по крайней мѣрѣ голосъ при обсужденіи новыхъ постановленій и бюджета; только дѣла административныя были почти изъяты отъ его надзора. Отсюда легко понять духъ новаго конституціоннаго ученія; указанныя характеристическія черты проглядываютъ во всѣхъ хартіяхъ того времени, несмотря на видимое ихъ разногласіе касательно числа, состава и участія палатъ въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ, такъ же какъ и относительно выборовъ. Единство и нераздѣльность верховной власти признаны за основной законъ въ Европѣ.

Представительное устройство, какъ и слѣдовало ожидать, сдѣлалось предметомъ общаго вниманія на Западѣ. Устройству этому сочувствовали особенно тѣ народы, у которыхъ оно было введено при Наполеонѣ и потомъ отнято вслѣдствіе реставраціи, подъ вліяніемъ реакціоннаго духа. По этому неудивительно, что вскорѣ по возвращеніи законныхъ династій обнаружилось во многихъ странахъ безпокойство, негодованіе противъ прежняго порядка и стремленіе къ новому. Испанія подала первый примѣръ къ возстанію; отсюда движеніе перешло въ Италію и было задержано съ большимъ трудомъ: дипломатическія мѣры оказались безуспѣшными; пришлось употребить военную силу. Однакоже, несмотря на старанія конгрессовъ, общій миръ утвердился не надолго. Въ 1830 г. произошла во Франціи іюльская революція; за нею быстро послѣдовали перевороты и волненія въ Бельгіи, западной

Германіи, Испаніи, Италіи и даже въ аристократическихъ кантонахъ Швейцаріи. Вездѣ при этихъ событіяхъ высказался одинъ и тотъ же духъ, именно требованіе либеральныхъ хартій и попытки расширить формы представительства въ пользу демократіи.

Внѣшнее спокойствіе образованнаго міра также не было совершенно обезпечено на вѣнскомъ конгрессѣ. Правда онъ достигъ главной своей цѣли, то-есть положилъ конецъ завоеваніямъ, но не могъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ національностей и основать политическую систему на началахъ естественнаго равновѣсія. Притомъ же кругъ дѣятельности дипломатовъ ограничивался одними государствами западной Европы: Турція была оставлена въ сторонѣ; Америка не участвовала въ конгрессѣ. Между тѣмъ Новый Свѣтъ испыталъ въ это время великій кризисъ: испанскія колоніи отторглись отъ метрополіи и сдѣлались самостоятельными государствами; предѣлы международнаго союза были расширены за океанъ, на цѣлый континентъ. Вскорѣ потомъ произошло греческое возстаніе, распалось искусственное соединеніе Бельгіи съ Голландіею; духъ независимости пробудился въ христіянскихъ и даже въ магометанскихъ провинціяхъ Порты. Правда, великимъ державамъ удалось на нѣкоторое время утишить бурю, но она собиралась и вспыхнула тѣмъ сильнѣе въ 1848 году. Это всеобщее движеніе грозило Европѣ радикальнымъ переворотомъ; оно отличалось отъ всѣхъ прежнихъ не только идеями, но и объемомъ. Исходнымъ пунктомъ послѣдней революціи, также какъ и первой, была Франція; но она дѣйствовала въ 1848 году безъ помощи оружія, а просто электрическимъ вліяніемъ. Едва только разнеслась вѣсть, что въ Парижѣ республика, какъ всѣ политическіе и національные элементы, сдержанные въ западной Европѣ, пришли въ броженіе разомъ. Территоріяльный порядокъ, созданный на вѣнскомъ конгрессѣ, поколебался въ основаніяхъ. Германскій Союзъ палъ, какъ бы сознавая свою несостоятельность къ борьбѣ; связанные имъ народы увлеклись мыслію объ учрежденіи болѣе крѣпкой федераціи подъ формою имперіи; Швейцарія преобразовала свое устройство; Италія подняла вопросъ о независимости и сліяніи; почти во всѣхъ провинціяхъ и разнородныхъ частяхъ сложныхъ государствъ высказались стремленія къ самобытности; Сицилія, Шлез-

вигъ-Голштейнъ, Ломбардія, Богемія, Венгрія приготовились къ отпаденію; наконецъ, повсюду введены были демократическія учрежденія и обнародованы новыя хартіи. Трудно сказать, чѣмъ бы окончился этотъ многознаменательный переворотъ, еслибъ ему благопріятствовали обстоятельства. Но несвоевременныя и опасныя для общества предпріятія соціялистовъ произвели въ Парижѣ реакцію; консервативное начало постепенно взяло верхъ во Франціи и въ другихъ странахъ; буря улеглась и, оставивъ по себѣ, какъ можно было предвидѣть, глубокіе слѣды, произвела стремительное движеніе назадъ. Прежній политическій порядокъ въ большей или меньшей степени былъ возстановленъ, но въ нѣкоторыхъ государствахъ представительная форма правленія, а въ другихъ гражданскія преобразованія удержались въ такомъ видѣ, въ какомъ были введены въ 1848 и 1849 годахъ.

Присматриваясь ближе ко всѣмъ этимъ событіямъ, не трудно подмѣтить въ нихъ рѣзкія, оригинальныя черты вѣка. До французской революціи во всей Европѣ; за исключеніемъ немногихъ государствъ, напримѣръ Голландіи, Англіи, Швейцаріи, Польши, политическія движенія обыкновенно исходили отъ отдѣльныхъ лицъ, реформы имѣли чисто-административный характеръ, почти не касались устройства, были предпринимаемы мудрыми государями и министрами, и со смертію ихъ большею частію останавливались, а иногда даже вовсе уничтожались. Общество при этомъ обнаруживало мало дѣятельности, оставалось страдательнымъ, хотя и сочувствовало прогрессу.

Доказательствомъ служатъ преобразованія, совершившіяся въ Пруссіи при Фридрихѣ II, въ Австріи при Іосифѣ II, въ Тосканѣ при Леопольдѣ, въ Португаліи при Помбалѣ, въ Испаніи при Карлѣ III, въ духѣ энциклопедистовъ, или подъ вліяніемъ физіократическихъ теорій. Напротивъ въ XIX столѣтіи, послѣ Наполеона, мы не находимъ ни одного истинно-творческаго генія, ни одного великаго государственнаго реформатора, который бы, такъ сказать, взялъ въ свои руки судьбу народа и дѣйствовалъ исключительно по личному усмотрѣнію. Всѣ политическія знаменитости нашего времени служатъ или органами партій, или руководителями массы; улучшенія начинаются непосредственно отъ общества, въ нихъ участвуютъ націи, или по крайней мѣрѣ просвѣщенныя сословія; перевороты направлены къ одной изъ

двухъ цѣлей—къ пріобрѣтенію внѣшней независимости, или къ измѣненію органическихъ законовъ, а иногда къ той и другой вмѣстѣ; административныя реформы происходятъ обыкновенно вслѣдствіе преобразованій конституціонныхъ; представителями реакціи, напротивъ, являются большею частію отдѣльныя лица и арміи. Въ этомъ собственно состоитъ отличительный характеръ XIX вѣка. Отсюда нѣкоторые заключаютъ, что настоящая эпоха бѣдна талантами, лишена умственныхъ органовъ, и потому не имѣетъ опредѣленныхъ тенденцій, не отличается послѣдовательностью въ своихъ требованіяхъ Намъ кажется, что эти упреки не совсѣмъ основательны. Правда, истекшее столѣтіе произвело много геніяльныхъ людей: ему принадлежатъ славные подвижники имперіи и реставраціи, такъ же какъ и Наполеонъ; всѣ они были одарены крѣпкимъ духомъ, непреклонною волею, творчествомъ, смотрѣли на народъ, какъ на матеріялъ, которому можно дать любую форму, обращались съ нимъ по произволу для своихъ цѣлей, работали напряженно, неутомимо, оставили послѣ себя пробѣлъ и нѣкоторое истощеніе силъ. Слѣдовавшее за ними поколѣніе можетъ казаться посредственнымъ; оно выставило мало личностей выше обыкновеннаго уровня.

Но если съ этой стороны исторія XIX столѣтія не такъ грандіозна, если личности не играютъ въ ней особенно блестящей роли, — за то она несравненно значительнѣе по содержанію, за то въ ней главное мѣсто занимаетъ общество. Здѣсь нельзя не видѣть превосходства противъ прежняго времени. Трудно согласиться вполнѣ и съ тѣмъ, что дарованія послѣ 1815 года являются рѣже; напротивъ, число полезныхъ и талантливыхъ людей увеличилось. «Наше время, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ, замѣчательно объемомъ, распространеніемъ цивилизаціи между многими. Теперь народы стали развиваться въ цѣлости и въ отдѣльныхъ частяхъ, или слояхъ. Послѣ вѣнскаго конгресса, правда, случилось меньше чрезвычайныхъ событій, но за то эти сорокъ лѣтъ ознаменованы общественнымъ движеніемъ. Конечно, въ цѣлой части свѣта оно шло медленно, несвязно; почти на каждомъ шагу встрѣчаемъ мы перерывы и задержки въ прогрессѣ, но именно оттого, что масса обширна и разнородна. Во всякомъ случаѣ требованія и обѣщанія эпохи ясны и возвышенны. Практическія науки и техническія искусства

сдѣлали въ пятьдесятъ лѣтъ необыкновенныя усилія, чтобъ открыть всѣмъ и каждому свободную дорогу къ просвѣщенію и благоденствію. Успѣхи естествознанія втѣснили суевѣріе и невѣжество въ самыя узкія рамки; желѣзныя дороги и телеграфы передаютъ быстро всякій успѣхъ, всякій подвигъ, предпринятый на пользу гражданственности.» Какъ бы ни казался преждевременнымъ этотъ приговоръ, но если судить по результатамъ, уже добытымъ, надобно отдать справедливость современному поколѣнію: оно соединило тѣснѣе части земли, способствовало образованію, развитію частныхъ и международныхъ сношеній, сдѣлало доступнѣе для всѣхъ средства и удобства жизни. Если не все, чего желали и къ чему стремились, достигнуто, то по крайней мѣрѣ многое. По важности изобрѣтеній, XIX столѣтіе превосходитъ даже тотъ вѣкъ, когда были открыты и пущены въ ходъ чудесныя силы компаса и книгопечатанія. Въ дѣятельности правительствъ настоящаго періода также виденъ новый общественный духъ: они заботятся о низшихъ классахъ, о нуждахъ большинства. Верховная власть существуетъ теперь не для привилегированныхъ, а для всѣхъ сословій, —ставитъ на первый планъ народно-экономическіе интересы, обсуживаетъ мѣры публичной пользы гласно. Эта характеристика можетъ показаться пристрастною тому, кто привыкъ осмѣивать или оплакивать все происходящее въ мірѣ. Но скажемъ въ свою защиту, что мы не имѣемъ желанія читать панегирикъ современникамъ и выставлять однѣ лучшія стороны нашего времени, по заданной напередъ теоріи. Полагая, что каждый вѣкъ вноситъ свою долю на пользу народовъ, мы не думаемъ поклоняться настоящему насчетъ прошедшаго. Намъ нужно было только понять господствующее направленіе умовъ, чтобы слѣдить за ходомъ политической мысли въ Европѣ. Но, признавая прогрессивныя стремленія XIX столѣтія, и тѣмъ отдавая ему справедливость, мы не намѣрены однакожь умалчивать о его недостаткахъ и ошибкахъ. Они будутъ по возможности показаны въ своемъ мѣстѣ, насколько это нужно для объясненія главнаго предмета настоящей статьи.

Еще прежде было сказано, что французская революція произвела сильное потрясеніе въ умахъ. Оно замѣтно при самомъ началѣ XIX вѣка. Не только всѣ потеряли довѣріе къ отвлеченнымъ теоріямъ философовъ, даже авторитетъ политическихъ наукъ

поколебался. Правительства и народы смотрѣли подозрительно на публицистовъ; императоръ Наполеонъ называлъ ихъ мечтателями или идеологами, и покровительствовалъ только статистикѣ и практическому законовѣдѣнію. Не удивительно, что среди повсемѣстной реакціи теорія общественнаго договора не могла удержаться; на нее напали съ разныхъ сторонъ, и мало-по-малу дошли до совершеннаго отрицанія юридическаго характера въ государствѣ. Къ этимъ нападеніямъ часто примѣшивалось личное чувство, особенно между писателями изъ сословій аристократическаго и духовнаго, какъ наиболѣе пострадавшихъ отъ революціи; впрочемъ явились и такіе публицисты, которые возстали противъ началъ XVIII столѣтія по убѣжденію, въ надеждѣ отвратить будущіе перевороты. Послѣ разрушенія Французской имперіи, ясно обозначились три главныя школы; каждая изъ нихъ защищала реакціонныя идеи съ своей точки зрѣнія. Первенство между ними принадлежитъ школѣ богословской: она выступила съ самымъ рѣзкимъ направленіемъ, имѣла талантливыхъ представителей въ самой Франціи, и пріобрѣла на нѣкоторое время большой вѣсъ. Основаніе этой школы положили Бональдъ, де-Местръ и Балланшъ; изъ нихъ особенно замѣчателенъ де-Местръ. Съ набожнымъ и въ то же время остроумнымъ воззрѣніемъ на міръ онъ соединяетъ полное сознаніе своей цѣли и средствъ, отличается силою доводовъ и краснорѣчіемъ. По его понятіямъ, законодательство и порядокъ въ государствѣ основываются на непосредственномъ распоряженіи Божества; онъ дѣлитъ человѣчество на простой народъ, предназначенный къ повиновенію, и дворянство, призванное управлять; ставитъ во главѣ обществъ короля, и подчиняетъ его папѣ. Человѣческому уму онъ не даетъ никакого права на государственную дѣятельность; реформы, по его мнѣнію, должны исходить единственно отъ церкви; всякую попытку измѣнить отношенія сословій онъ считаетъ безбожною. Такимъ же духомъ проникнуты сочиненія послѣдователей богословской школы въ Германіи: Адама Мюллера, Краусса и Шталя. Всѣ они возстаютъ противъ теоріи договора, и защищаютъ патріархально-теократическія начала (1). Самый даровитый изъ нихъ Шталь: ему нельзя отказать въ глубинѣ взгляда, въ силѣ критики и юри-

(1) *Mohl,* Geschichte, I, 254.

дическомъ тактѣ, хотя его теорія невѣрна и построена на заданной напередъ мысли. Признавая государство учрежденіемъ, вытекающимъ изъ духа народа, слѣдовательно человѣческимъ, онъ въ то же время приписываетъ ему божественный характеръ. Но такъ какъ формы правленія неодинаковы, то Божество, по мнѣнію Шталя, освящаетъ каждую изъ нихъ для извѣстнаго народа. Результаты теоріи отсюда легко вывести, но не трудно также понять ея шаткость: въ сущности она не доказана, темна и произвольна. Къ числу послѣдователей этой школы можно отнести также Неаполитанца Таппарелли: по его понятіямъ, общество должно быть подчинено одной власти, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, именно католической церкви, которая есть верховный источникъ нравственности, права и политики.

Другая реакціонная школа была основана Галлеромъ (1). Вооружаясь противъ раціональнаго направленія въ политическихъ наукахъ, она не прибѣгала собственно къ теократическимъ началамъ, но находила главную опору государства въ матеріяльной силѣ. По ученію Галлера, міръ устроенъ такимъ образомъ, что въ немъ сильный всегда господствуетъ надъ слабымъ. Это естественное владычество проявляется во всѣхъ человѣческихъ союзахъ, напримѣръ въ отношеніяхъ между полами, въ семействѣ, во власти господина, капиталиста, хозяина фабрики и т. п. Оно не передается какимъ-нибудь искусственнымъ образомъ, но, такъ сказать, самою природой. То же самое замѣчаемъ мы въ государствѣ. Кто бы ни стоялъ во главѣ его, поземельный владѣлецъ или военачальникъ, община или каста жрецовъ, *власть* въ существѣ своемъ одинакова, и *есть* не что иное, какъ *собственность*. Она принадлежитъ правительству лично, и можетъ быть передаваема обыкновенными гражданскими способами, напримѣръ по наслѣдству, покупкою, бракомъ, дареніемъ. Подданные, конечно, могутъ имѣть свои привилегіи, оградить неприкосновенность личности, имущества и т. п., но договоры и обычаи подобнаго рода случайны. Государственное устройство во всякомъ случаѣ есть частное хозяйственное дѣло; администрація не преслѣдуетъ никакой публичной цѣли, и потому не можетъ быть опредѣлена закономъ; за способъ примѣненія власти отвѣчаетъ

---

(1) *Haller*, Restauration der Staatswissenschaft. 2-te Ausg. 1820.

одна совѣсть. Понятно, что этимъ ученіемъ не объясняется, а совершенно отвергается существованіе государства, какъ самобытнаго организма. У Галлера первое мѣсто занимаетъ частное право; онъ оставляетъ общество подъ господствомъ силы безъ всякой юридической защиты. Эта капитальная ошибка не вознаграждается другими достоинствами упомянутаго публициста, его логическою послѣдовательностію, остроуміемъ, свѣдѣніями и силою критики. «У него, по выраженію Моля, можно поучиться многому, только не истинѣ.»

Къ противникамъ раціонализма должно отнести также англійскихъ публицистовъ изъ партіи ультра-торіевъ и нѣмецкую историко-юридическую школу. Всѣ эти писатели стараются объяснить существо государства изъ дѣйствительности, и во многомъ сходятся между собою. По ихъ понятіямъ, общественныя учрежденія вырабатываются въ жизни, смотря по обстоятельствамъ и по указанію практики; политическая мудрость состоитъ только въ томъ, чтобы найдти годное для народа въ данный моментъ. Это направленіе, какъ мы видѣли, возникло еще во время французской революціи; во главѣ его стоялъ Боркъ. Замѣчательно впрочемъ, что оно мало измѣнилось между его ближайшими послѣдователями. Мысль, что государство не можетъ быть построено на началахъ разума, что оно предназначено только для удовлетворенія практическихъ потребностей, высказывается торіями съ такою же силой въ XIX, какъ и въ XVIII столѣтіи. Они впрочемъ не отвергаютъ личной свободы, но признаютъ ея примѣненіе опаснымъ, и поклоняются безусловно обычаю или преданію; имъ кажется, что простой инстинктъ есть самый вѣрный и лучшій руководитель государствъ. Очевидно, что съ этимъ образомъ мыслей не согласно никакое улучшеніе и усовершенствованіе. Гораздо послѣдовательнѣе и основательнѣе взгляды школы исторической. Хотя она, собственно говоря, занималась частнымъ правомъ, но также изложила довольно ясно свое политическое ученіе. Лучшіе ея представители, Эйхгорнъ, Савиньи, Пухта, считаютъ государство непосредственнымъ результатомъ исторіи и народнаго характера, организмомъ, возникшимъ изъ совмѣстной жизни и данныхъ отношеній извѣстнаго племени. По ихъ убѣжденію, отвлеченный разумъ не имѣетъ вліянія на образованіе этого организма; только тогда, когда вполнѣ развивается

народное сознаніе, могутъ явиться реформаторы, спеціяльно призванные къ тому, чтобъ улучшать общественную жизнь. Эти замѣчанія отчасти справедливы, и подтверждаются фактами, но при всемъ томъ надобно согласиться, что историческая школа представляетъ собою одностороннее направленіе. Ея ученіе объ основаніи и существѣ государства неудовлетворительно и даже не совсѣмъ вѣрно. Нѣтъ нужды доказывать, что *идеи* извѣстной эпохи всегда *дѣйствуютъ на учрежденія,* что каждый даровитый народъ рѣшаетъ политическіе вопросы сознательно, что, наконецъ, національныя требованія и стремленія подчинены высшему разумному закону, который долженъ быть изслѣдованъ и поставленъ во главу науки. Государство есть общая необходимость, общее понятіе, хотя и можетъ имѣть разные виды. Историческая школа не проникла въ сущность предмета, а коснулась его чисто съ внѣшней стороны, приняла одни факты, не углубляясь во внутреннія причины явленій.

Впрочемъ, возставая противъ первоначальнаго направленія исторической школы, мы не хотимъ сказать, чтобы труды ея были безполезны. Мало-по-малу она измѣнила свои строгія понятія подъ вліяніемъ философіи, и приняла дѣятельное участіе въ разработкѣ политическихъ наукъ. Ей обязанъ XIX вѣкъ глубокими и многосторонними изслѣдованіями. Она объяснила разные виды государства, соотвѣтствующіе разнымъ ступенямъ общественнаго быта, и показала, что это учрежденіе имѣетъ *антропологическое* основаніе. Въ этомъ состоитъ великая заслуга послѣднихъ ея представителей: Дудена, Лео, Блунчли и др. Они отличаются болѣе широкимъ и свободнымъ взглядомъ на жизнь, стараются изучить на основаніи фактовъ главныя качества человѣческой природы, и такимъ образомъ постигнуть политическія цѣли, которыя преслѣдуются отдѣльными націями; они обняли обширную сферу исторіи и дѣйствительности, добыли богатые результаты для сравненія. Разумѣется, каждый изъ упомянутыхъ писателей могъ раскрыть только часть истины, но этимъ не уменьшается ихъ относительное достоинство. Притомъ же историческая школа еще не сказала послѣдняго слова, не окончила изысканій, а напротивъ болѣе и болѣе распространяется во Франціи, въ Англіи, даже въ Америкѣ, и съ принятіемъ новыхъ идей значительно совершенствуетъ свои научные пріемы и методу. Ей остается

идти впередъ своимъ путемъ, раскрывать основательнѣе человѣческія свойства, и слѣдить за ихъ проявленіемъ въ общественной жизни. Нужно замѣтить только, что эти свойства дѣйствуютъ на государство не прямо, а косвенно, именно тѣмъ, что даютъ извѣстное положеніе народу, внутреннее или внѣшнее, опредѣляютъ цѣли отдѣльныхъ лицъ и соединеній. Соглашеніе этихъ цѣлей и примиреніе сталкивающихся требованій по закону права составляютъ собственно задачу государства, отъ которой оно получаетъ содержаніе и форму. Кромѣ того, не одно качество, но взаимнодѣйствіе многихъ, или, говоря точнѣе, совокупность всѣхъ силъ, заключающихся въ природѣ человѣческой, производитъ извѣстное состояніе націи, необходимымъ результатомъ котораго является государство.

Итакъ, изъ всѣхъ упомянутыхъ школъ одна историческая пріобрѣла авторитетъ въ наукѣ; что̀ касается до другихъ, онѣ имѣли мало послѣдователей и не могли остановить прогрессивныхъ стремленій вѣка. Мыслящее большинство находилось на сторонѣ раціонализма и юридической теоріи государства, чему много способствовало постепенное введеніе конституціоннаго правленія на континентѣ Европы съ 1814 и 15 годовъ. Почти въ одно и то же время, въ Германіи и Франціи, явилась многочисленная школа, извѣстная подъ именемъ доктринеровъ, и начала съ жаромъ защищать представительное устройство. Монтескье былъ долго ея наставникомъ; она приняла почти въ цѣлости его ученіе и только въ послѣдствіи подвергла его основательной, строгой критикѣ. Вообще къ партіи доктринеровъ принадлежали умѣренные послѣдователи философіи XVIII вѣка; они заботились болѣе всего о томъ, чтобы примирить необузданныя требованія демократіи съ монархіею и найдти для народовъ спасительную середину (juste milieu), въ которой могли бы господствовать порядокъ и законная свобода. На Англію всѣ они смотрѣли, какъ на образцовое государство, стремились создать и поддержать въ континентальныхъ странахъ учрежденія, подобныя британскимъ, и болѣе или менѣе склонялись на сторону аристократіи. Во главѣ этой партіи стояли, въ эпоху реставраціи, самые лучшіе публицисты Франціи, именно: Бенжаменъ-Констанъ, Пажѐ, Массабіо̀, Дону, Барантъ, Дюпенъ, Ланжюинѐ, Коффиньеръ; изъ германскихъ писателей сюда принадлежатъ: Брендель, Аретинъ,

Кругъ, Ансильйонъ, Пелицъ, Гоффманъ; изъ италіянскихъ Романьйози. Духъ этой школы распространился и въ Англіи, между многими вигами, учениками Бентама. Послѣ іюльской революціи эта школа приняла въ себя свѣжіе элементы, сдѣлала нѣкоторыя уступки либерализму, раздробилась на двѣ партіи, охранительную и прогрессивную, и господствовала на континентѣ. Къ ней примкнули почти всѣ политическія знаменитости вѣка: Тьеръ, Гизо, Вильменъ, Ремюза, Росси во Франціи; многіе послѣдователи Канта, Роттекъ, Цахаріэ, Дальманъ и отчасти Гегель въ Германіи, лучшіе юристы Италіи. Понятно, что она должна была имѣть огромное вліяніе на политическія науки. Постараемся обозначить въ общихъ чертахъ ея направленіе и оттѣнки.

Главная заслуга доктринеровъ состоитъ, какъ мы уже говорили, въ изслѣдованіи конституціонной формы правленія. Они не только начертали теорію этого устройства, но и объяснили множество связанныхъ съ нимъ политическихъ вопросовъ. Вообще дѣятельность ихъ была очень обширна и плодотворна: многіе изъ нихъ отличались большими дарованіями; нѣкоторые были сильны въ юриспруденціи, другіе опытны въ государственной практикѣ. Однимъ изъ лучшихъ представителей школы можно считать Бентама: онъ безспорно возвышается надъ современниками острымъ и всеобъемлющимъ умомъ, и освѣщаетъ новымъ взглядомъ всю область законодательства и управленія. Со всѣми его выводами, конечно, нельзя согласиться; утилитарная теорія много вредитъ ему, но, несмотря на односторонность, этотъ писатель можетъ быть поставленъ на ряду съ великими двигателями науки. Подъ вліяніемъ его ученія совершены были нѣкоторыя общественныя реформы, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ Европы. Онъ основалъ цѣлую школу не только между публицистами, но и въ особенности между государственными людьми. Изъ его многочисленныхъ политико-юридическихъ сочиненій замѣчательна *Тактика законодательныхъ собраній*. Эта книга имѣетъ мало себѣ подобныхъ; на нее можно указать, какъ на образецъ ясности и здравой логики. Свобода членовъ, защита меньшинства, послѣдовательность въ разборѣ дѣлъ, методическое совѣщаніе, стойкость въ рѣшеніяхъ, по мнѣнію Бентама, необходимыя условія парламентскаго порядка. Онъ написалъ также

любопытный памфлетъ *о политическихъ софизмахъ*, въ которомъ отвергъ отвлеченныя идеи французской революціи о гражданской свободѣ и доказалъ необходимость ея обезпеченія посредствомъ твердыхъ положительныхъ законовъ и учрежденій. Свобода книгопечатанія, тѣсно соединенная съ конституціоннымъ устройствомъ, также обратила на себя вниманіе доктринеровъ. Не удивительно, что по этому вопросу публицисты долго расходились во мнѣніяхъ; сама практика сначала колебалась рѣшить его твердо и опредѣленно. На гласность всѣ смотрѣли какъ на героическое средство противъ злоупотребленій; она казалась слишкомъ опасною для правительства, страшною въ рукахъ націи; нужно было хорошо испытать эту невѣдомую, до того времени сдержанную, силу. Впрочемъ бóльшая часть французскихъ и нѣмецкихъ писателей еще въ 1815 году стала на сторонѣ либеральныхъ началъ, напримѣръ Бенжаменъ-Констанъ, Гизо, Кругъ, Велькеръ; предварительную цензуру защищали немногіе. Послѣ іюльской революціи замѣтно больше согласія между публицистами, по крайней мѣрѣ въ главныхъ пунктахъ: почти всѣ пришли къ убѣжденію, что репрессивныя мѣры противъ книгопечатанія необходимы только для предупрежденія возмутительной пропаганды и для защиты частныхъ лицъ отъ клеветы; въ другихъ отношеніяхъ независимость науки и литературы была признана въ теоріи и даже въ практикѣ. По крайней мѣрѣ можно сказать, что въ XIX вѣкѣ ни одно изъ западно-европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Австріи, не стѣсняло до такой степени книгопечатанія, какъ въ XVIII. Даже періодическимъ изданіямъ была предоставлена свобода, если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ съ меньшими противъ прежняго ограниченіями.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь всѣхъ частностей конституціоннаго устройства, которыхъ касались доктринеры (1); остановимся только на главныхъ его началахъ: ихъ объясненіемъ преимущественно занималась эта школа. Самое видное мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ Гизо и лорду Бруму: они трудились надъ исторіею представительнаго правленія; другіе, напримѣръ Бенжаменъ-Констанъ, Роттекъ, Гелло, изложили цѣлую

(1) *Mohl*, Geschichte I. 305—312.

систему законодательства и политики; третьи, какъ Дону и Шербюлье, указали на общественныя и личныя гарантіи для охраненія свободы, именно на выборъ представителей, на публичный процессъ, на суды присяжныхъ, на отвѣтственность министровъ и чиновниковъ. Рѣшая эти капитальные вопросы, публицисты мало-по-малу пришли къ идеѣ правительственнаго единства. Ученіе о договорѣ общественномъ также было отвергнуто, когда истинно-юридическій характеръ государства высказался яснѣе, когда поняли, что оно получаетъ твердость не отъ случая и человѣческаго произвола, но отъ законовъ и органическихъ учрежденій; чѣмъ болѣе желали привести политическое устройство въ согласіе съ дѣйствительными пользами націй, тѣмъ болѣе распространялось убѣжденіе, что государство есть необходимое явленіе жизни и требованіе человѣческой природы. Такимъ образомъ отвлеченные споры о существѣ и аттрибутахъ верховной власти прекратились; публицисты занялись болѣе изслѣдованіемъ формы представительства и обратили вниманіе на права подданныхъ, на вмѣшательство камеръ въ дѣла администраціи и т. под. Въ самомъ дѣлѣ эти вопросы были гораздо важнѣе. Вскорѣ послѣ введенія конституціонныхъ хартій произошли на континентѣ Европы несогласія по поводу избранія министровъ. Правительства усвоили себѣ власть назначать начальниковъ администраціи по собственному усмотрѣнію; напротивъ камеры желали, чтобъ они назначались изъ людей, имѣвшихъ за собой большинство. Этотъ разладъ привелъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Представительныя собранія оспаривали предлагаемые бюджеты, систематически сопротивлялись всякому новому закону и мѣшали управленію; напротивъ, министры прибѣгали къ насильственному распущенію, дѣйствовали косвенно на выборы и старались привлечь къ себѣ депутатовъ всевозможными средствами. Такая система достигала на время своей цѣли, но раньше или позже подкапывала уваженіе къ устройству и народную нравственность. Только въ Бельгіи совѣтники короны избирались такъ же, какъ въ Англіи, то-есть между органами господствующихъ въ парламентѣ партій; напротивъ во Франціи и въ Германіи этого порядка не придерживались, а потому неудовольствія и споры увеличивались. Наконецъ, въ 1848 году, дѣло дошло до всеобщаго взрыва, который надолго разрушилъ надежды на конституціон-

ное устройство и увеличилъ число приверженцевъ республиканскаго правленія. Къ сожалѣнію, наука не могла вовремя помочь дѣлу; доктринеры обратили вниманіе на этотъ предметъ слишкомъ поздно: они думали, что для укрѣпленія представительныхъ началъ важнѣе всего свобода выборовъ, и не высказали ясно своего взгляда на отношенія министерства къ палатамъ. Не ранѣе какъ при Лудовикѣ-Филиппѣ, который старался пріобрѣсть личное вліяніе на кабинеты и на парламентское большинство, Тьеръ предъявилъ требованіе, «чтобы король только царствовалъ, а не управлялъ». Но этотъ остроумный софизмъ не рѣшилъ спорнаго вопроса: разладъ между правительствомъ и націею продолжался до самаго паденія Орлеанской династіи. Въ Германіи еще менѣе понимали механизмъ конституціоннаго правленія: здѣсь естественный переходъ членовъ сильной оппозиціи въ министерство считался чѣмъ-то въ родѣ измѣны; національныя партіи почти не участвовали въ составленіи кабинетовъ, и такъ-называемая парламентская система не могла укрѣпиться. Всѣ жаловались на безсиліе хартій (Schein-Constitutionalismus) и не видѣли, что единственное средство поддержать авторитетъ ихъ состояло въ прекращеніи дуализма въ администраціи. Отсюда не трудно объяснить, почему между нѣмецкими писателями послѣдняго времени встрѣчается такъ много противниковъ представительной монархіи (1).

Вообще послѣ 1848 года доктринеры лишились популярности и упали, чему способствовали въ значительной степени политическія событія, а отчасти ошибки главныхъ представителей школы, которые обнаружили во время переворота излишнюю самонадѣянность и упорство. Не беремся рѣшительно судить, въ какой мѣрѣ была способна къ государственной дѣятельности эта школа; но что̀ бы ни говорили о ея неудачахъ въ практикѣ, заслуги ея для науки неоспоримы. Она не увлекалась чисто отвлеченными понятіями, а только возвела въ теорію то, что̀ нашла въ дѣйствительности. Доктринеры не были идеологами, а слѣдовали строго, можетъ-быть уже слишкомъ строго, положительному направленію. Они ясно предвидѣли трудности приложенія конституціонныхъ началъ на материкѣ Европы и старались, по мѣрѣ силъ, облегчить рѣше-

(1) *Mohl*, Geschichte. I. 313—320.

ніе главной задачи; но здѣсь многое зависѣло не отъ нихъ, а отъ внѣшнихъ причинъ, съ которыми трудно бороться публицисту. Положимъ, что они не поняли всѣхъ условій представительнаго устройства и не объяснили вовремя существа парламентской системы, — тѣмъ не менѣе они основательно обсудили разные, прежде вовсе не тронутые, политическіе вопросы. Монографіи и памфлеты Бентама надолго останутся образцовыми; изслѣдованія французскихъ публицистовъ, временъ Лудовика-Филиппа, до сихъ поръ не потеряли значенія. Говоря безпристрастно, немногія школы выставили столько дарованій; немногимъ суждено было подвизаться такъ долго на пользу политическаго просвѣщенія. Около тридцати лѣтъ доктринеры были руководящими органами прогресса, занимали самыя видныя мѣста на трибунѣ, въ кабинетахъ, въ журналистикѣ, и сошли со сцены только тогда, когда вслѣдствіе измѣненія условій жизни, задача ихъ была кончена.

Чтобы понять новое направленіе политической мысли въ Европѣ, нужно замѣтить, что наука до послѣдняго времени обходила одинъ капитальный вопросъ, безъ котораго природа и цѣль государства не можетъ быть вполнѣ раскрыта. Всѣ писатели, начиная отъ учениковъ Бэкона и энциклопедистовъ до Канта и доктринеровъ включительно, обращали вниманіе преимущественно на права и обязанности подданныхъ въ отношеніи къ верховной власти, переходили прямо отъ человѣка къ государству, повидимому, не подозрѣвая, что въ общественной жизни есть разныя, совершенно самобытныя сферы, что каждая изъ этихъ сферъ устроена своеобразно и болѣе или менѣе независимо отъ прочихъ. Имъ казалось, что правительство имѣетъ дѣло только съ отдѣльными лицами и съ семействами, какъ будто бы не было между людьми другихъ связей, кромѣ естественной и политической. Въ государствахъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствуютъ двоякаго рода отношенія: частныя, или гражданскія, и публичныя. Между публицистами шелъ жаркій споръ о формѣ правленія, о происхожденіи власти, о границахъ свободы; но никому не приходило въ голову изслѣдовать организацію общества на извѣстныхъ ступеняхъ развитія, или въ современномъ положеніи. Самое слово: *общество*, не имѣло опредѣленнаго смысла; даже тѣ представители науки, которые защищали независимость лич-

ности, не признавали существованія человѣческихъ соединеній, или думали, что эти соединенія совершенно подчинены государству. Только экономисты разсматривали организацію общественной жизни независимо отъ политическаго устройства, но они касались однихъ матеріяльныхъ, хозяйственныхъ интересовъ.

Вопросъ объ отношеніи общества къ государству былъ поднятъ новѣйшею философіей. Она подвергла критикѣ атомистическое ученіе Канта и высказала, хотя и не совсѣмъ ясно, новый взглядъ на человѣческіе союзы. Изъ ея представителей, Гегель пользовался въ этомъ отношеніи особеннымъ авторитетомъ между нѣкоторыми публицистами. По мнѣнію Гегеля, теорія договора не можетъ быть принята наукою и не подтверждается фактами дѣйствительной жизни; существованіе государства не зависитъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ, но вытекаетъ изъ самой необходимости, или объективной разумности; онъ ставитъ между человѣкомъ и правительствомъ гражданское общество, или совокупность живущихъ одно подлѣ другаго семействъ, и старается отыскать законы, необходимые для этого соединенія. Къ сожалѣнію, Гегель не изслѣдовалъ природы и жизни гражданскаго общества; оно является у него чѣмъ-то мертвымъ, неорганическимъ, и совершенно исчезаетъ въ государствѣ. По справедливому замѣчанію Моля, Гегель въ процессѣ своего мышленія дошелъ только до формальнаго понятія объ обществѣ, но вовсе не имѣлъ и не раскрылъ этого понятія въ его сущности. «Трудно сказать, говоритъ Моль, слѣдуетъ ли назвать заслугою или скорѣе вредомъ то, что̀ сдѣлано Гегелемъ относительно ученія объ обществѣ.» Самое воззрѣніе Гегеля на государство темно и неопредѣленно: онъ думаетъ, что задача правительства состоитъ въ осуществленіи (Objectivirung) нравственнаго закона. Но подобная цѣль едва ли можетъ быть достигнута. Верховная власть не имѣетъ къ тому никакихъ вѣрныхъ средствъ. Почти то же можно сказать объ ученіи Гербарта. Онъ сознаетъ идею общества, всматривается въ его природу, видитъ въ немъ «соединенную и опредѣленную волю многихъ лицъ, стремящихся къ извѣстной цѣли», и справедливо замѣчаетъ, что человѣкъ въ одно и то же время можетъ быть членомъ многихъ обществъ и вступать съ людьми въ отдѣльные, независимые союзы для осуществленія практическихъ идей. Но эти мысли не приводятъ Гербарта ни къ какимъ положительнымъ

и новымъ результатамъ. Онъ не находитъ въ человѣческихъ соединеніяхъ внутренней сдерживающей силы и подчиняетъ ихъ безусловно государству, «цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать всѣмъ нравственно-общественнымъ стремленіямъ». Гораздо ближе къ истинѣ стоятъ послѣдователи Краузе, особенно Аренсъ. Этотъ замѣчательный юристъ хотя еще не изложилъ вполнѣ своего политическаго ученія, но по крайней мѣрѣ начерталъ философію права, въ которой ярко отражается духъ современной науки (1). Аренсъ даетъ ассоціяціи великое значеніе, рѣзко разграничиваетъ общество отъ государства, назначаетъ независимое мѣсто каждой сферѣ человѣческихъ интересовъ и сводитъ разные союзы, смотря по идеѣ, лежащей въ ихъ основаніи, въ одну группу. Органическая сила соединенія показана у него довольно ясно; если во многомъ съ нимъ нельзя согласиться, то всякомъ случаѣ на него слѣдуетъ указать, какъ на одного изъ главныхъ представителей новаго направленія. Необыкновенный успѣхъ его книги есть лучшее доказательство того, что она отвѣчаетъ требованіямъ вѣка. Съ каждымъ годомъ идея общества выясняется болѣе и болѣе въ жизни; эту идею разрабатываетъ теперь цѣлая школа публицистовъ, которая по справедливости называетъ себя *общественною*. Она распространилась въ послѣднее время вездѣ, и мы можемъ смѣло предсказать ей блестящую будущность.

Но прежде нежели политическія науки приняли это новое, плодотворное направленіе, прежде нежели общественная философія сдѣлалась предметомъ серіознаго изслѣдованія, во Франціи еще въ эпоху іюльской революціи явилась фаланга смѣлыхъ преобразователей, извѣстныхъ подъ именемъ соціялистовъ и коммунистовъ. Эти люди выступали съ радикальными, разрушительными теоріями, и сдѣлались особенно грозными для Европы въ 1848 году, когда всеобщій переворотъ, повидимому, благопріятствовалъ ихъ стремленіямъ. Сознавая необходимость улучшить судь-

---

(1) *Ahrens* cours du droit naturel. Brux. 1853 (3-me édition). Organische Staatslehre. Wien. 1850. Erster Th. Вторая часть этого сочиненія еще не вышла. Авторъ издаетъ теперь юридическую энциклопедію (Wien. 1854. 55. zwei Lieferungen), въ которой также представлено его ученіе о государствѣ въ главныхъ чертахъ.

бу низшаго, особенно рабочаго класса, они находили для этого недостаточными однѣ политическія реформы и думали, что измѣненіе государственныхъ учрежденій и законовъ не поможетъ злу, что въ самомъ устройствѣ современнаго общества есть большіе недостатки, что для исправленія ихъ нѣтъ другаго средства какъ пересоздать весь порядокъ человѣческихъ отношеній. Мы не намѣрены впрочемъ разбирать здѣсь безчисленныхъ проектовъ, предложенныхъ этими писателями. Достаточно замѣтить, что они распадаются на три главныя школы, которыя въ основныхъ идеяхъ сходны между собою. Первая изъ нихъ извѣстна подъ именемъ Сенъ-Симонистовъ; цѣль ея состояла въ томъ, чтобъ учредить такой союзъ, въ которомъ бы каждый человѣкъ занялъ мѣсто сообразно своимъ способностямъ и труду (à chacun selon sa capacité, à chaque capacité selon ses oeuvres), и чтобы всѣмъ людямъ даны были средства къ удовлетворенію потребностей изъ общаго имущества. Скоро послѣ разрушенія этой школы, Фурье основалъ другую, и обѣщалъ своимъ послѣдователямъ комфортъ и высокіе проценты съ капиталовъ, если они согласятся работать въ мастерскихъ совмѣстно и равномѣрно. Коммунисты пошли еще далѣе: по ихъ мнѣнію, главный источникъ общественныхъ бѣдствій заключается въ собственности; ея уничтоженіе должно привести къ полному равенству и счастію. Не трудно понять, что всѣ эти экономическіе планы оказались несбыточными на практикѣ, и произвели только временное потрясеніе въ умахъ. Когда общество успокоилось, и переворотъ прошелъ, всѣ поняли, что утопія не можетъ имѣть близкихъ и рѣшительныхъ послѣдствій и не такъ опасна для спокойствія и цивилизаціи, какъ думали прежде. Не говоря о шаткости и незрѣлости основнаго ученія, многія средства, предложенныя соціялистами въ видахъ реформы, или невозможны, или безнравственны, или гибельны для человѣческой личности. Самыя понятія ихъ объ обществѣ невѣрны: они смотрятъ на него съ хозяйственной, грубо-матеріяльной точки зрѣнія, приносятъ въ жертву своему идеалу духовно-нравственную природу человѣка, и сводятъ всѣ отношенія между людьми къ вещественному міру, т.-е. къ имуществу. Что̀ касается до политическаго ученія соціялистовъ, оно проникнуто мыслію о всемогуществѣ государства. Кругъ дѣятельности ихъ республики чрезвычайно обширенъ: она соединяетъ въ себѣ должности предприни-

мателя, капиталиста, купца и т. п., правитъ работами гражданъ, устраиваетъ народныя удовольствія и праздники, короче сказать, не имѣетъ границъ, вмѣшивается въ разныя отрасли общественной и частной жизни и больше всего вредитъ свободѣ.

Но несмотря на странности и ошибки соціялистовъ, они дали сильный толчокъ наукѣ и принесли извѣстнаго рода пользу, именно вызвали противъ себя критику, и тѣмъ подвинули къ размышленію о природѣ и организаціи общества. Можетъ-быть, эти вопросы еще долго не обратили бы на себя вниманія публики, еслибы сюда не примѣшалось любопытство и нѣкоторый страхъ предъ разрушительнымъ ученіемъ. Сначала выступили противъ соціяльныхъ теорій экономисты; они отстаивали преимущественно хозяйственное устройство общества. Въ такомъ духѣ написаны критическія сочиненія Рейбо, Сюдра, Бидермана, Гильдебранда и Штейна. Но мало-по-малу полемика перешла на другія стороны предмета; въ ней приняли участіе государственные люди, публицисты, историки, философы. Всѣ принялись обрабатывать общественную науку съ разныхъ точекъ зрѣнія. Положеніе рабочихъ классовъ и пауперизмъ—двѣ великія практическія задачи нашего времени—возбудили особенный интересъ на Западѣ. Изслѣдованія Виллермѐ, Энгельса, Дюкпесіо, Бюре пролили яркій свѣтъ на невѣдомыя прежде сферы народнаго быта. Потомъ естественно родилась потребность вникнуть глубже въ отношенія сословій, прослѣдить постепенное развитіе и показать современное состояніе аристократіи, горожанъ и крестьянства. Этою мыслію были проникнуты знаменитые ученые нашего времени—Либе, Риччи и особенно Риль. Они собрали по исторіи и физіологіи общества богатые матеріялы, которые послужатъ основаніемъ къ сціентифическому построенію новой науки, состоящей въ самой близкой, тѣсной связи съ государственными науками. Это явленіе заслуживаетъ, чтобы на него обратить вниманіе. Мы не будемъ впрочемъ повторять здѣсь сказаннаго другими (1). Притомъ же результаты, добытые трудами общественной школы, касаются нашего предмета отчасти. Именно, намъ необходимо знать, въ какой степени затронута ими идея о государствѣ.

---

(1) См. «Русскій Вѣстникъ», іюнь 1857, *Физіологія общества*, статья г. Безобразова.

Моль, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи, не упустилъ этого изъ виду: онъ основательно объясняетъ отношеніе общества къ правительству и науки общественной къ разнымъ отраслямъ политическаго званія (1). Мы можемъ послѣдовать за нашимъ руководителемъ.

«Общество, говоритъ Моль, не есть отвлеченная идея; оно существуетъ въ дѣйствительности, хотя и долго не было понято наукою. У каждаго народа, несмотря на различіе образа жизни и формы правленія, можно замѣтить три вида отношеній: отношенія отдѣльныхъ лицъ, государственныя (внѣшнія и внутреннія) и наконецъ общественныя въ тѣсномъ смыслѣ. О первыхъ нѣтъ нужды распространяться: они имѣютъ индивидуальный характеръ и при всемъ своемъ разнообразіи весьма опредѣленны; изъ нихъ вытекаютъ права и обязанности человѣка или гражданина; ихъ легко раздѣлить на категоріи и подвести подъ извѣстные законы; они выясняются и упорядочиваются ранѣе другихъ, сами собою, обычаемъ, договоромъ или авторитетомъ. Отношенія государственныя предполагаютъ преобладающую волю, общую силу, органическое единство и систему учрежденій. Какъ только люди выходятъ изъ дикаго состоянія, они непремѣнно вступаютъ въ политическій союзъ, въ тѣсное соединеніе подъ защитою внѣшней власти, и устраиваютъ порядокъ. Несмотря на уклоненіе формъ, всѣ государства имѣютъ одну природу; въ нихъ легко отыскать общіе признаки. Дѣятельность ихъ принимаетъ двоякое направленіе—внѣшнее и внутреннее: они естественно стремятся къ независимости отъ чуждаго вліянія, къ самоуправленію, и смотрятъ непріязненно на иностранцевъ. Только на высшей степени развитія возникаетъ между разными правительствами и отдѣльными народами связь въ видахъ удовлетворенія взаимныхъ нуждъ, которая ведетъ къ постоянному общенію и наконецъ къ сознанію универсальныхъ, всемірныхъ интересовъ. Во внутреннихъ отношеніяхъ государства также можно замѣтить присутствіе и вліяніе одной идеи; каждое правительство сознательно преслѣдуетъ свою цѣль; въ каждомъ политическомъ союзѣ вырабатывается устройство, опредѣляются права и обязанности подданныхъ къ государству, границы вмѣшательства власти въ

(1) *Mohl*, Geschichte, I, 88—110.

сферу личной свободы, участіе гражданъ въ администраціи и законодательствѣ, наконецъ сфера дѣятельности подчиненныхъ органовъ. Итакъ несмотря на подвижность этихъ отношеній, они въ сущности ясны и опредѣленны, хотя государство, какъ и всякое человѣческое учрежденіе, можно разсматривать съ разныхъ сторонъ, именно: съ религіозной, нравственной, юридической и хозяйственной.

Гораздо труднѣе уловить и привести къ единству *отношенія общественныя*. Они до того разнобразны и запутаны, что часто ускользаютъ отъ самаго испытующаго анализа. Наука долго не могла подмѣтить въ нихъ ни одной характеристической черты, и потому они оставались неопредѣленными. Но если всмотрѣться внимательно въ исторію, она представляетъ явленія и факты совершенно оригинальные, исключительные, которые не имѣютъ характера частнаго или государственнаго, и отличаются своеобразными признаками. Мы видимъ напримѣръ, что у всѣхъ народовъ существуютъ сословія или классы; они являются не всегда вслѣдствіе привилегій, но зависятъ отъ самаго образа жизни и занятій. Правда, верховная власть нерѣдко подчиняетъ ихъ своей цѣли, даетъ имъ законы, но это не отнимаетъ независимости у каждаго сословія. Духовенство, поземельные владѣльцы, купцы, ремесленники, крестьяне представляютъ до сихъ поръ, несмотря на общее стремленіе къ равенству, какъ бы отдѣльныя корпораціи. Члены извѣстнаго класса связаны общею жизнію, общими интересами, нравами, обычаями и чувствами; они ближе другъ къ другу, чѣмъ къ прочимъ классамъ. Поразительнымъ доказательствомъ того, что государство безсильно разрушить эти отношенія, служатъ касты Индіи: онѣ пережили самые страшные перевороты, не исчезли подъ вѣковымъ владычествомъ иностранцевъ и сохранились до сихъ поръ въ своихъ угловатыхъ формахъ. Другое замѣчательное явленіе есть *община*. Связанная съ государствомъ, какъ его органическій членъ, она однакоже сохраняетъ независимый характеръ, существуетъ не только какъ административный округъ, но какъ отдѣльный міръ, который имѣетъ свою жизнь, свои мѣстные интересы, учрежденія и свои потребности, совершенно не касающіяся правительства. Члены общины проникнуты особеннымъ духомъ, ведутъ борьбу, составляютъ партіи, несутъ повинности, подчиняются извѣстнымъ

обычаямъ. Всѣ происходящія отсюда отношенія не могутъ быть названы ни частными, ни политическими.

Въ нѣкоторыхъ странахъ имѣютъ значеніе племена (races), особенно если они сохраняютъ рѣзкій, неизгладимый типъ, или владычествуютъ одно надъ другимъ. Здѣсь мы непремѣнно находимъ оригинальные обычаи и предразсудки, сродство и отчужденіе, привязанность и ненависть въ большей или меньшей степени. Иногда высшая раса вовсе не признаетъ человѣческаго достоинства въ низшей. И напрасно пытается государство примирить враждебные элементы, связать ихъ закономъ! Оно не имѣетъ для этого средствъ. Образованному читателю извѣстны отношенія бѣлыхъ къ неграмъ въ невольническихъ и даже въ свободныхъ штатахъ Сѣверной Америки, англо-саксонскаго поколѣнія къ цельтическому въ Ирландіи, Индусовъ къ Монголамъ, христіянъ къ Евреямъ. Никто не считаетъ этихъ отношеній политическими: они не созданы правительствомъ и не уступаютъ ему.

Между людьми происходятъ также извѣстныя отношенія изъ труда и обладанія землею. Работники, капиталисты, фермеры, помѣщики, составляютъ какъ бы отдѣльныя общества; каждое изъ нихъ живетъ въ своей сферѣ, преслѣдуетъ совмѣстные интересы, независимо отъ правительства, и нерѣдко имѣетъ вліяніе на весь бытъ государства. Стóитъ только вспомнить, какую роль играютъ эти отношенія на западѣ Европы, напримѣръ въ Англіи, или во Франціи.

Наконецъ религія и просвѣщеніе служатъ духовными, но не менѣе сильными органами общественныхъ связей. Но мы не будемъ продолжать. Эти примѣры доказываютъ убѣдительно существованіе отношеній, не подходящихъ подъ категорію частныхъ и государственныхъ, но совершенно независимыхъ. Намъ нужно теперь опредѣлить точнѣе ихъ признаки.

Прежде всего замѣтимъ, что эти отношенія возникаютъ не изъ временныхъ, но изъ постоянныхъ или по крайней мѣрѣ продолжительныхъ причинъ. Скоропреходящая сила, конечно, можетъ имѣть вліяніе на народъ, но оно мало-по-малу изглаживается, слабѣетъ. Только существенные, духовные или физическіе интересы способны пробудить въ людяхъ одинаковое сознаніе, соединить ихъ тѣсными и крѣпкими узами, и затронуть самую

жизнь. Чѣмъ сильнѣе общій интересъ, тѣмъ сильнѣе корпоративный духъ. Члены сословій, какъ мы часто видимъ, носятъ въ себѣ этотъ духъ, съ нимъ раждаются, живутъ и умираютъ; онъ переходитъ отъ предковъ къ потомкамъ, заглушаетъ иногда политическій смыслъ, владычествуетъ надъ личными и человѣческими чувствами. Отсюда впрочемъ не слѣдуетъ, что каждое изъ упомянутыхъ соединеній замкнуто въ самомъ себѣ, сосредоточено, не можетъ расширяться. Тотъ интересъ не имѣетъ въ себѣ общественнаго свойства, который охватываетъ нѣсколько лицъ. Онъ долженъ проникнуть въ широкую сферу отношеній: тогда только становится замѣтнымъ его вліяніе на жизнь. Такъ какъ человѣкъ преслѣдуетъ разныя цѣли, то чѣмъ далѣе онъ идетъ впередъ, тѣмъ менѣе удовлетворяетъ его одно общество. Такимъ образомъ число союзовъ естественно возрастаетъ; объемъ ихъ не ограничивается государствомъ; они могутъ соединить цѣлыя части свѣта, связать общими интересами многіе народы.

Надобно прибавить еще, что общества не всегда требуютъ организаціи отъ правительства, но происходятъ и развиваются сами собою, естественно, не принужденно, силою интереса. Ихъ создаетъ не произволъ; они раждаются изъ фактовъ, какъ неизбѣжныя послѣдствія, какъ физіологическіе результаты. Этимъ мы не хотимъ сказать, что ни одинъ изъ упомянутыхъ союзовъ не можетъ быть устроенъ; изъ исторіи видно, что въ нихъ непремѣнно вырабатывается порядокъ посредствомъ автономіи, или при содѣйствіи власти. Дѣло только въ томъ, что форма не измѣняетъ природы отношеній. Если всѣ эти признаки вѣрны, то существованіе общества не подлежитъ сомнѣнію. Общественная сфера независима отъ личной: люди двигаются здѣсь въ массѣ; ихъ поступками руководитъ не частное побужденіе, а связующая причина, собирательная цѣль. Личность преслѣдуетъ отдѣльные интересы, въ соединеніяхъ преобладаетъ интересъ корпораціи. Разумѣется, и въ обществѣ человѣкъ можетъ имѣть своекорыстныя стремленія; но онъ старается закрыть ихъ выгодами цѣлаго союза, частныя же отношенія въ окончательныхъ результахъ всегда направлены къ непосредственной пользѣ каждаго субъекта, хотя и основываются на началахъ взаимности. Депутатъ или выборный, защищающій права сословія, дѣйствуетъ во имя общества; заимодавецъ, преслѣдующій своего должника,

дѣйствуетъ во имя гражданскаго закона, отъ своего лица, индивидуально.

Разница между общественными и политическими отношеніями еще яснѣе. Государство есть органъ народнаго единства. Эта идея не только лежитъ въ основаніи верховной власти и коренныхъ учрежденій, но проявляется во всѣхъ правительственныхъ функціяхъ, даже въ мѣстныхъ распоряженіяхъ администраціи, Напротивъ общества имѣютъ исключительный интересъ, преслѣдуютъ спеціяльную цѣль; какъ бы они ни были обширны, какъ бы далеко ни простирались, въ нихъ удерживается этотъ характеръ. Если они не противодѣйствуютъ власти, отсюда не слѣдуетъ, что они исчезаютъ въ государствѣ. Отъ гармоніи до тождества еще далеко. Правительству принадлежитъ только то, что имъ создано, что отъ него получаетъ единственную опору; но въ жизни многое происходитъ безъ воли и безъ вѣдома правительства. Даже если государство организуетъ извѣстные союзы, предписываетъ имъ законы, это ничего не доказываетъ: они сохраняютъ до извѣстной степени свою самостоятельность. Верховная власть имѣетъ права и обязанность требовать, чтобы корпораціи не вредили политическому единству, не мѣшали свободѣ гражданъ; она можетъ и должна уничтожать всякій вредный наростъ и неправомѣрный порядокъ въ обществѣ; можетъ также признать извѣстныя корпораціи годными для его цѣлей и дать имъ законное устройство. Въ томъ и другомъ случаѣ рѣчь идетъ только о формѣ, а не о матеріи: государство своимъ прикосновеніемъ не разрушаетъ природы общества, такъ же какъ и природы человѣка.

Устройство обществъ не одинаково; оно представляетъ безчисленные оттѣнки у разныхъ народовъ и даже внутри извѣстнаго государства часто перемѣняется. Это зависитъ отъ многихъ причинъ, и прежде всего отъ положенія и характера племенъ; кромѣ того, интересы не вездѣ тождественны и равносильны; наконецъ самыя соединенія развиваются не вдругъ, сначала бываютъ слабы, и уже въ послѣдствіи крѣпнутъ, усложняются, перекрещиваются между собою. Но здѣсь не мѣсто объяснять подробно вліяніе мѣстныхъ и временныхъ условій на человѣческіе союзы. Намъ остается опредѣлить въ краткихъ чертахъ со-

держаніе общественныхъ наукъ и отношеніе ихъ къ политическимъ.

Полагая, что общество, какъ всякое человѣческое отношеніе, можно разсматривать съ точки зрѣнія права, нравственности и пользы, и что при этомъ историческіе факты должны быть отдѣлены отъ догматическихъ началъ, мы получимъ слѣдующія науки: 1) основное ученіе объ обществѣ (соціологія), то-есть идея общества, его законы, составныя части, цѣль и отношеніе къ другимъ сферамъ человѣческой жизни; 2) общественное право, 3) общественная нравственность, 4) общественная политика (sociale Politik), то-есть наука объ организаціи и о средствахъ общества; 5) общественная экономія, 6) исторія общества, 7) общественная статистика (1).

Раскрытіе идеи общества отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ политическихъ убѣжденіяхъ, и произвело въ литературѣ жаркіе споры, которыхъ исходъ трудно еще предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, полемика публицистовъ и соціологовъ не должна разрушать единства и гармоніи между ними. Науки общественныя, по своему предмету, близко соприкасаются съ науками государственными; взаимная связь ихъ очевидна; одна отрасль знанія дополняетъ другую. Публицистъ можетъ многое заимствовать у соціолога, и наоборотъ; ихъ изысканія собственно направлены къ одной цѣли — къ уразумѣнію законовъ, дѣйствующихъ въ человѣческихъ союзахъ. Тѣмъ не менѣе однакоже каждая область должна быть разграничена отъ другой, и сохраняетъ самостоятельность. Многіе предметы, которые прежде разсматривались въ наукѣ правленія, непремѣнно отойдутъ отъ нея. Сюда относятся нѣкоторыя части публичнаго права, напримѣръ внутреннее устройство церкви, сословій, ремеслъ. Національная экономія уже заняла принадлежащее ей мѣсто въ ряду наукъ общественныхъ, и конечно измѣнитъ несоотвѣтствующее ей названіе (économie politique); только прикладныя ея части, именно государ-

---

(1) Разумѣется, не всѣ эти науки сдѣлались самостоятельными и округленными: нѣкоторыя изъ нихъ возникли въ послѣднее время, нѣкоторыя существуютъ только въ идеѣ, а на практикѣ смѣшиваются съ другими отраслями знанія, именно съ политическими науками.

ственное благоустройство и теорія финансовъ, должны сохранить настоящее свое положеніе. Впрочемъ всѣ эти измѣненія не могутъ произвести переворота въ политическихъ наукахъ и повредить имъ; онѣ всегда будутъ отдѣльною отраслью знанія, потому что имѣютъ *свою* задачу, свое независимое призваніе. Идея общества есть необходимый результатъ долговременныхъ изысканій человѣческаго ума; она выработалась путемъ анализа, которому въ теченіе двухъ столѣтій было подвергнуто государство. Этотъ анализъ предприняли сами публицисты. Они дѣйствовали здѣсь сознательно и послѣдовательно: отстаивали прежде всего личность, разложили политическій организмъ на атомы, открыли въ немъ составныя части, объясняли ихъ взаимное сочетаніе, но никогда не теряли изъ виду, что всѣ элементы должны быть приведены къ единству. Такимъ образомъ наука только пустила отъ себя новыя отрасли, но не лишилась цѣлости. Правительственное искусство сохранитъ свое значеніе до тѣхъ поръ, пока существуютъ государства: оно сдѣлается только болѣе точнымъ и менѣе труднымъ, когда въ обществахъ пробудится свободная и разумная жизнь. Мертвые органы не даютъ крѣпости тѣлу; оно пріобрѣтаетъ силу и гибкость не иначе, какъ посредствомъ упражненія и развитія всѣхъ членовъ. Въ природѣ нѣтъ застоя; движеніе есть ея законъ.

Гораздо важнѣе тѣ результаты, которые добыты подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ идей въ основномъ ученіи о государствѣ. Это ученіе теперь прояснилось; шаткія отвлеченныя теоріи XVIII вѣка окончательно отвергнуты. Никто не смотритъ въ настоящее время на политическій организмъ, какъ на безобразную массу людей; въ немъ замѣчены связующія нити; потребность государственнаго строя признана всѣми; единство и нераздѣльность правительства считается верховнымъ, необходимымъ закономъ; задача верховной власти изслѣдована глубже и опредѣлена точнѣе. Старинный, безконечный споръ о цѣли государства упрощается тѣмъ болѣе, чѣмъ осязательнѣе становится его отношеніе къ обществу, которому оно даетъ правомѣрный порядокъ и вспомоществованіе. Наконецъ вопросъ о происхожденіи государства сдѣлался понятнѣе съ тѣхъ поръ, какъ доказано существованіе другихъ человѣческихъ союзовъ. Гипотеза такъ-называемаго «естественнаго состоянія» разрушена, какъ призракъ

воображенія, какъ фантастическая утопія; исторія и физіологія общества убѣждаютъ наглядно, примѣрами и фактами, что государство является въ жизни какъ необходимость, и по мѣрѣ развитія народа становится сознательнымъ. На публичное право новая наука также имѣла благодѣтельное вліяніе: она подняла вопросъ объ отношеніи правительства къ общественнымъ соединеніямъ. Публицисты, говоря о независимомъ устройствѣ церкви, давно уже коснулись этого предмета; но не могли вполнѣ разъяснить его, потому что не имѣли точки опоры и путеводныхъ началъ. Теперь мы можемъ ожидать цѣлостныхъ, всесторонних изслѣдованій подобнаго рода. Уже положено основаніе къ рѣшенію этой трудной задачи. Въ послѣднее время нѣкоторые писатели провели болѣе вѣрныя границы для вмѣшательства власти въ дѣло организаціи общества (1).

Ограничиваемся пока этими немногими замѣчаніями. Читатель видитъ отсюда, какихъ богатыхъ послѣдствій можно ожидать для политическихъ наукъ отъ новаго направленія. Но мы имѣемъ дѣло съ прошедшимъ, а не съ будущимъ. Идея общества раскрыта недавно, усвоена далеко не всѣми писателями и, такъ сказать, не получила еще полнаго гражданства. Во всякомъ случаѣ, судя по добытымъ въ послѣдніе годы результатамъ, мы въ правѣ возлагать наши надежды на новую школу. До сихъ поръ главное призваніе публициста состояло въ защитѣ личности; надъ этимъ преимущественно работали великіе умы съ половины XVII до половины XIX вѣка; этою дорогой шли представители европейской мысли — Гротъ, Бэконъ, Локкъ, Монтескье, энциклопедисты, Кантъ, доктринеры. Трудъ ихъ не потерянъ: они отстояли неприкосновенность и независимость человѣка; свобода совѣсти,

---

(1) Мы можемъ указать здѣсь на одну замѣчательную книгу. Она вышла въ Лондонѣ, въ 1851 году, подъ заглавіемъ: *Общественная статика* (Social statics), и написана Гербертомъ Спенсеромъ (Spencer), даровитымъ сотрудникомъ *Вестминстерскаго Обозрѣнія*, одного изъ лучшихъ и независимыхъ политическихъ журналовъ въ Европѣ. Спенсеръ — защитникъ общественнаго самоуправленія (selfgovernment); онъ искусно отстаиваетъ это начало въ упомянутомъ сочиненіи и въ одномъ памфлетѣ: *Объ излишнемъ законодательствѣ* (Overlegislation). *Westminster Rewiew*, 1853, July.

промышленности и торговли признана въ Европѣ, по крайней мѣрѣ передовыми народами; права гражданскія и политическія обезпечены въ христіянскихъ государствахъ въ большей степени, нежели гдѣ-нибудь; другія племена идутъ тою же дорогой по мѣрѣ усвоенія цивилизаціи... Теперь наступаетъ иная пора. На долю науки выпала болѣе сложная задача, болѣе высокое назначеніе, именно разъясненіе и обезпеченіе общества. Публицисты должны глубоко изучить естественное устройство человѣческихъ соединеній, внутреннія основы, силы и законы каждаго союза и всѣхъ вмѣстѣ. Время утопій и мечтаній прошло невозвратно. Въ настоящее время, большинство уже не вѣритъ въ произвольные планы такъ-называемыхъ политиковъ, не имѣетъ пристрастія къ формамъ, въ которыхъ ищутъ единственнаго спасенія бюрократы, не полагается ни на рутину, ни на искусственную механику. «Теперь, говоритъ Спенсеръ, смотрятъ не на внѣшность, а на сущность вещей, и для всего ищутъ амтеріяльной или нравственной опоры... Тамъ, гдѣ прежде находили хаосъ, находятъ величественный планъ; гдѣ видѣли случай, тамъ открываютъ порядокъ; что̀ считали аномаліей, уклоненіемъ, въ томъ замѣчаютъ мысль и аналогію съ однородными фактами. Природа вездѣ являетъ жизненныя начала: они дѣйствуютъ вѣчно. Развитіе общественнаго организма идетъ медленно, но неотразимо, и высказывается то въ рѣзкихъ формахъ, то въ едва-замѣтныхъ сочетаніяхъ, смотря по возрасту. Перемѣны происходятъ при невидимомъ вліяніи чудесной силы, увлекающей правительства и народы впередъ, наперекоръ теоріямъ, планамъ и предразсудкамъ; она высасываетъ соки изъ самыхъ прославленныхъ учрежденій, обращаетъ въ прахъ пергамены, рушитъ почтенные авторитеты, стираетъ глубоко-врѣзанные законы, приводитъ въ ужасъ государственныхъ мужей, стыдитъ недальновидныхъ предвѣщателей, хоронитъ любимые обычаи, и прежде чѣмъ люди успѣютъ осмотрѣться, въ жизни уже совершился, какъ бы безсознательно, неожиданный переворотъ... Даже въ бѣдствіяхъ государствъ публицистъ открываетъ элементы великой, благотворной борьбы. Но особенно поразительно для ума то, какъ просты начала, съ помощію которыхъ можно исправить недостатки, какъ легко отыскать въ человѣческой природѣ вѣрныя средства противъ политическаго зла.

Мудрость Божества видна столько же въ устройствѣ планетной системы, сколько въ естественномъ равновѣсіи обществъ.» (1)

Мы привели эти слова, чтобы показать, какъ смотритъ на свою задачу новая школа. Повидимому, нѣтъ основанія отчаиваться за ея успѣхъ. Она приступаетъ къ дѣлу безъ самонадѣянности, безъ заданныхъ теорій, но съ сознаніемъ трудности предмета, «съ уваженіемъ и страхомъ», стремится проникнуть въ сущность вещей, и уразумѣть естественное устройство общества. Если судить по направленію и методѣ, можно разсчитывать, что новѣйшіе публицисты сдѣлаютъ многое, но какъ далеко двинутъ они знаніе, въ какой степени достигнутъ точныхъ результатовъ, рѣшить трудно въ настоящее время.

Мы слѣдили до сихъ поръ за общимъ движеніемъ политической мысли въ Европѣ. Теперь разсмотримъ каждую изъ государственныхъ наукъ въ особенности; въ бѣгломъ очеркѣ многое остается непонятнымъ и неполнымъ; только въ частномъ обозрѣніи, въ подробностяхъ, можно видѣть, что̀ сдѣлано публицистами въ продолженіе двухъ столѣтій (1650—1850). При этомъ необходимо показать еще, насколько участвовали разные европейскіе народы въ обработкѣ отдѣльныхъ отраслей знанія.

---

(1) *Herbert Spencer,* Social statics pp. 293, 4.